

ГОССТРОИ РОССИИ

ВНИИ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
/ВНИИТАГ/

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

РЫЧКОВ Петр Анатольевич

УДК 72.03:725.94 (477.8)

**ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО
ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ
XV - XIX веков**

Специальность 18.00.01 - Теория и история
архитектуры, реставрация памятников
архитектуры

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора архитектуры**

Москва - 1993

2.04
025.4
7В 29/10
Работа выполнена во ВНИИ теории архитектуры и градостроительства /ВНИИТАГ/ и Украинском институте инженеров водного хозяйства

Научный консультант: д

ЛНБ України ім.В.Стефаника

00534924 (R)

Р
п
О
Официальные оппоненты: доктор архитектуры, профессор, действ. член Российской Академии архитектурных и строительных наук и Международной Академии архитектуры /Московское отделение/ И.Г.ЛЕЖАВА

доктор архитектуры, профессор
Г.А.МАЛЮЖИ

доктор искусствоведения
В.И.ТИМОФЕЕНКО

Ведущая организация - Научно-исследовательский институт истории, теории архитектуры и градостроительства, г.Киев /Киев ВНИИТАГ/

Защита состоится "22" ФЕВР. 1994 г. в 11 час. на заседании специализированного совета Д 033.02.01 - при Всесоюзном научно-исследовательском институте теории архитектуры и градостроительства по адресу: 121019, Москва, Воздвиженка, 5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ВНИИТАГ

Автореферат разослан "22" ФЕВРА 1994 г.

Ученый секретарь

специализированного совета.

А.Л.БАТАЛОВ

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Города Западной Украины издавна привлекали и продолжают привлекать к себе внимание исследователей, предоставляя богатейший материал для научного анализа в самых разных аспектах: политическом, социальном, демографическом, экономическом, правовом и т.д. Такие города Западной Украины как Львов, Каменец-Подольский, Луцк, Владимир-Волынский, Черновцы, Острог, Дубно, Кременец и другие по праву считаются самобытными памятниками градостроительной культуры прошлого. Многие из них имеют соответствующий государственный статус охраняемых объектов, им посвящена обширная краеведческая литература. За последние два столетия накоплен значительный объем научных работ специального архитектуроведческого плана - прежде всего благодаря усилиям украинских и польских исследователей, для которых этот регион в силу целого ряда обстоятельств представляет общий историко-культурный интерес. В последние годы между учеными двух стран постепенно стало налаживаться и активизироваться взаимодействие в этой исследовательской области.

По понятным причинам интерес ученого сообщества к данной теме за пределами Украины и Польши выражен относительно слабо. Показательный пример: в самом объемном "Словаре мировой архитектуры" Н.Певзнера нет ни одного упоминания о памятниках градостроительного искусства Украины. Только две иллюстрации (Броды, Станислав) отражают интересующий нас регион в седьмом томе наиболее объемного, капитального и авторитетного современного издания "Мировая история развития городов" под редакцией Е.Паткинды (т.УП, "Городское развитие в Польше, Чехословакии и Венгрии"), тогда как в восьмом томе того же издания "Городское развитие в Восточной

Европе: Болгария, Румыния, СССР" вообще не упоминается ни один западноукраинский город. Поэтому приходится с сожалением констатировать, что в общемировом контексте историко-градостроительной науки западноукраинские города практически не представлены, что никак не соответствует их реальному значению.

Если не считать нескольких крупнейших городов, то необходимо признать отсутствие целенаправленных, комплексных исследований градостроительного прошлого Западной Украины и в отечественном архитектуроведении. Их дефицит только отчасти могут компенсировать предпроектные фиксационные исследования сохранившихся памятников архитектуры и градостроительства с целью реконструктивного проектирования, ибо в большинстве случаев мера сохранности не позволяет дать полную и объективную оценку градостроительной эволюции того или иного города, раскрыть ее логику и законы.

Здесь следует отметить, что, предпринимая попытку разработки данной темы в форме диссертационного исследования, автор с самого начала осознавал важность предшествующей историографии по теме и источниковедческого анализа. Именно в силу этого обстоятельства было принято решение не ограничиваться кратким перечнем исследователей, архивов, музеев, библиотек во введении, а специально посвятить этому вопросу первую главу – как отражающую в какой-то мере необходимые предпосылки самого исследования, так и заключающую в себе автономный познавательный потенциал.

Однако актуальность настоящего диссертационного исследования обосновывается не только существованием очевидных лагун в историографии. Не менее значимо углубление исторического знания в области отечественного градостроения в связи с потребностями современности. Имеется в виду истребности современной практики архитектурного и градостроительного проектирования, остро нужда-

щейся в как можно более полной картине исторического развития городов для органичного включения культурного наследия в текущие процессы реконструкции городов, для выявления и сохранения памятников градостроительного искусства, для создания заповедных зон в исторических городах, для реставрации и ревалоризации ценных градостроительных ансамблей и комплексов. Наконец, любое приращение нового исторического знания ценно еще и тем, что оно с фактологической стороны расширяет рамки известного, а со стороны аксиологической позволяет по-новому посмотреть на ранее общепринятые оценки и характеристики, верифицировать или опровергать их новыми фактами.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении основных предпосылок, закономерностей и особенностей архитектурно-планировочного развития западноукраинских городов в XV-XIX веках на основе комплексного историко-генетического анализа и предшествующего исследовательского опыта. Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие основные задачи:

- определение исторических предпосылок, степени и характера влияния социальных условий на процесс урбанизации западноукраинских земель на протяжении анализируемого периода;
- определение роли основных факторов формирования и исторических трансформаций архитектурно-планировочной структуры западноукраинских городов;
- рассмотрение основных слагаемых, закономерностей структурного формирования и главных направлений эволюции городов, в том числе на уровне основных межэлементных связей и взаимодействий;
- архитектурно-планировочный и композиционный анализ относительно автономного развития рыночных площадей, включая их локацию, параметры, пропорционирование, планировочную композицию,

застройку;

- архитектурно-планировочный анализ развития фортификационного строительства и его роли в застройке городов;

- определение роли различных видов культового зодчества в планировке и застройке городов;

- архитектурно-планировочный анализ градостроительной роли и основных направлений формирования дворцово-парковых ансамблей в XVIII-XIX вв.

В процессе диссертационного исследования, как уже отмечено выше, был решен также ряд вспомогательных задач, получивши автономное отражение в I-й вводной главе "Историография и источниковедение градостроительства Западной Украины XV-XIX вв.", а также реализованных при составлении иллюстративного материала и перечня использованных первоисточников (тома 2-й и 3-й диссертации).

Методология и методика исследования концептуально основаны на сравнительно-историческом методе, который по отношению к архитектурно-градостроительным исследованиям позволяет путем аналитических сопоставлений, сравнений выявить общее и особенное в развитии - как в отношении города в виде органического целого, так и в отношении отдельных элементов его структуры. Для обеспечения продуктивности, действенности сравнительно-исторического метода соблюдаются основные стадийные уровни сравнений, не всегда адекватных друг другу только лишь по одному хронологическому признаку. В качестве второго важного общеметодического базиса, дополняющего и даже в известной мере предваряющего метод сравнительно-исторический, использован метод типологический, заключающийся в систематизированной обработке анализируемого материала на основе определенных существенных для темы исследования признаков. Как частный рабочий метод на различных этапах исследо-

вания использовалась графическая и макетная реконструкция тех или иных градостроительных объектов, основанная, с одной стороны, на документальных материалах (первоисточниках), с другой — на определенной мере гипотетических допущений.

Именно выбор принципов компаративизма в сочетании с типологическим анализом обусловил отказ от простого хронологизма в построении содержательной структуры диссертационного исследования в пользу структурно-типологического принципа, при котором город рассматривается в первую очередь как сложный пространственный организм с определенным набором относительно стабильных элементов, находящихся в определенном эволюционирующем взаимодействии друг с другом. Лишь после выяснения природы этих элементов в отдельности и их функционирования в рамках целого прослеживается генеральная хронология их временного развития. Безусловно, это усложнило исследовательскую задачу, но, на наш взгляд, позволило достичь в итоге более весомых результатов.

В процессе работы использовался также обычный для историко-архитектурного исследования рабочий инструментарий: поиск и обработка специальной литературы, в том числе в смежных областях научного знания, архивные разыскания в отечественных и зарубежных собраниях, натурные обследования большинства городов региона и т.п.

Объект и предмет исследования. Основным объектом исследования является структура и главные элементы архитектурно-планировочной композиции западноукраинских городов в их историческом развитии, анализируемые на различных таксономических уровнях в различных исследовательских аспектах (социально-функциональных, территориально-пространственных, архитектурно-композиционных и т.п.). Относительно самостоятельным, вспомогательным объектом

исследования являются архитектурная историография и архивистика в рамках диссертационной темы. Предметом исследования являются предпосылки, условия, общие закономерности и конкретные особенности архитектурно-планировочного формирования городов Западной Украины XV-XIX веков.

Источниковая база исследования. В результате библиографического и архивного поиска для аналитической работы привлечен значительный массив исходной информации. Задействованы книжные и рукописные фонды большинства крупнейших библиотек бывшего СССР: Российской Государственной библиотеки (Москва), Государственной библиотеки иностранной литературы (Москва), Государственной публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург), Центральной научной библиотеки АН Украины (Киев), Львовской научной библиотеки им.В.Стефаника и др. Среди зарубежных библиотек использованы фонды Национальной библиотеки в Варшаве, Австрийской национальной библиотеки (Вена), Библиотеки Венского и Варшавского университетов, Библиотеки Института искусств Польской АН (Варшава), Государственной библиотеки в Берлине и др. Обследованы фонды более 20 отечественных и зарубежных архивов, в том числе таких наиболее крупных как Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург), Российский государственный военно-исторический архив (Москва), Российский государственный архив древних актов (Москва), Центральный государственный исторический архив Украины (Киев и г.Львов), Главный архив древних актов (Варшава), Государственный архив Краковского воеводства (Краков), Австрийский государственный архив - Военный архив (Вена), Архив Варшавской политехники и др. Были также обследованы фонды государственных архивов 9 современных областей Западной Украины. Отдельные, достаточно ценные материалы удалось обнаружить в музей-

ных фондах (Государственный исторический музей в Москве, Львовский исторический музей, Краеведческие музеи в Ровно, Ивано-Франковске, Хмельницком, Национальные музеи в Варшаве и Кракове и др.). К сожалению, осталось недоступным для непосредственного знакомства множество архивных, библиотечных, музейных фондов Германии, Швеции, Италии, где по имеющимся сведениям хранится значительный массив неизученных первоисточников по данной теме.

Границы исследования. Временные границы исследования охватывают XV–XIX вв., т.е. именно тот сложный, исторически насыщенный период, когда на западноукраинских землях шел процесс преобразования старых древнерусских городов, когда было основано большое количество городов и местечек, когда градостроительное искусство прошло несколько самостоятельных этапов развития, навсегда определивших неповторимое своеобразие местного градостроительного наследия.

Географически исследуемый регион ограничивается территорией Западной Украины² в составе исторически сложившихся земель Волыни, Галичины, Подолии, исторические судьбы которых на протяжении многих столетий были очень тесно связаны друг с другом социально-политическими, экономическими, культурными узами несмотря на до-

* Устоявшееся на сегодняшний день в некоторых справочных и энциклопедических изданиях определение Западной Украины как совокупной территории Львовской, Волынской, Ивано-Франковской, Ровенской и Тернопольской областей отражает лишь статьи Рижского мирного договора 1921 года, по которым эти земли отошли к Польше, и условия пакта Молотова – Риббентропа 1939 года, по которым эти земли были присоединены к УССР в составе СССР. То есть, это определение основано в первую очередь на политических реалиях I-й половины XX века и значительно суживает ареал западноукраинской историко-культурной аутентичности, особенно по отношению к XV–XVII векам.

статочно ощутимые порой региональные особенности. По современному административно-территориальному делению исследуемый регион в основном соответствует Львовской, Волынской, Ровенской, Тернопольской, Ивано-Франковской, Хмельницкой, Винницкой и Житомирской областям. Лишь отчасти затронуты в диссертации города Северной Буковины и Закарпатья, относящиеся к иному историко-политическому контексту.

При поиске и обработке первичного исследовательского материала автор стремился охватить как можно более широкий круг городов — как крупных, хорошо известных в архитектурной историографии, так и небольших, в том числе тех, которые ныне вообще утратили статус города и превратились в обычные сельские населенные пункты, однако представлявших в прошлом оригинальные примеры градостроительной практики.

Научная новизна диссертационного исследования в первую очередь определяется тем, что в нем впервые в отечественной архитектурной историографии предпринята попытка синтетического исторического анализа общих закономерностей и особенностей развития градостроительной культуры Западной Украины на протяжении XV—XIX веков — как с точки зрения эволюции города в целом, так и с точки зрения эволюции его основных составных частей. В диссертационном исследовании можно вычленить следующие составные элементы новизны:

— впервые введено в научный оборот большое число оригинальных, ранее не изученных либо не экстраполированных на историю градостроительства документальных первоисточников из отечественных и зарубежных архивных собраний;

— впервые намечены подходы к источниковедческой проблеме западноукраинской градостроительной историографии, реализованные в автономном разделе диссертации;

- впервые процессы урбанизации и градостроения Западной Украины прослежены в контексте процессов политических, социальных, экономических, общекультурных;

- впервые специально проанализированы разнообразные факторы, определявшие общий характер и специфику архитектурно-планировочного формирования западноукраинских городов на различных отрезках времени, и показаны их конкретные проявления в градостроительном процессе;

- впервые сформулированы наиболее общие стратегические направления эволюционного развития и взаимодействия иррациональных и рациональных, нерегулярных и регулярных начал в градостроительной практике Западной Украины с конца XIV до XIX века;

- впервые осуществлено компаративное изучение определяющих структурно-планировочных элементов западноукраинских городов как автономных градостроительных явлений (рыночные площади, фортификации, культовые объекты, замковые и дворцовые ансамбли) и как субъектов межэлементного взаимодействия;

- впервые на основе полученных в ходе исследования результатов выполнена серия графических и макетных реконструкций отдельных градостроительных ансамблей, целых исторических городов (Ровно, Станислав, Белая Церковь и др.).

Практическое и историко-теоретическое значение данной работы определяется ее вкладом в тот раздел архитектурной науки, который ориентирован на изучение богатейшего исторического прошлого Украины. Многие намеченные в диссертации проблемные аспекты имеют широкую перспективу для дальнейшей углубленной разработки. Отдельные результаты исследования (аналитические выкладки и графические материалы) могут найти практическое применение в учебных курсах высших учебных заведений по истории украинского искусства и архи-

тектуры для студентов архитектурных, строительных и искусствоведческих специальностей, при подготовке энциклопедических, краеведческих, научно-популярных изданий. Источниковедческая часть работы может быть использована исследователями в качестве автономной справочно-информационной базы по родственным темам. Отдельные аспекты исследования позволят также, на наш взгляд, в определенной мере верифицировать степень исторической достоверности и, следовательно, реальной обоснованности проектных работ по реконструкции исторических городов Западной Украины, актуализировать необходимость всемерного сохранения ценных градостроительных ансамблей, а в некоторых случаях, возможно, и городов в целом.

Апробация и реализация результатов работы. Отдельные разделы и положения работы докладывались автором на 2-й волынской Историко-краеведческой конференции (Луцк, 1988 г.), на научно-практической конференции "Пути совершенствования технологии и организации строительного производства" (Ровно, 1988 г.), на 1, 2, 3, 4-й республиканских конференциях "Берестецкая битва в истории Украины" (Ровно, 1990, 1991, 1992, 1993 гг.), на республиканской конференции "Атлас истории культуры Волынской области" (Луцк, 1991 г.), на 3-й, 4-й научно-краеведческих конференциях "Острог на пороге 900-летия" (Острог, 1992, 1993 гг.), на научно-технической конференции УИИВХ (Ровно, 1992 г.), на 2-й и 3-й региональных конференциях "Большая Волянь: прошлое и настоящее" (Ровно, 1992 г., Житомир, 1993 г.), на международной научно-практической конференции "Актуальные проблемы развития городов и городского самоуправления (история и современность)" (Ровно, 1993 г.), на международном (стран СНГ) созещании-семинаре заведующих кафедрами архитектуры гражданских и промышленных зданий (Киев, 1992 г.). Программа и промежуточные результаты диссертационного исследова-

ния докладывались автором и были одобрены на заседании кафедры истории и архитектуры и градостроительства МАрХИ (25.01.1988 г.), на заседании ученого Совета Украинского института инженеров водного хозяйства (26.02.1988 г.), на заседании ученого Совета ВНИИТАГ 25.05.1992 г. По итогам конкурса научно-исследовательских программ Министерством науки и исследований Австрии автору был предоставлен грант для краткосрочной научной работы в библиотеках, архивах, музеях Австрии по теме диссертации при Венском техническом университете (консультант проф. М.Кубелик). Результаты исследования исторического прошлого отдельных городов были использованы автором при выполнении по заказам краеведческих музеев макетов-реконструкций "Город Ровно в конце XVIII века" (1989 г.), "Город Станислав в середине XVIII века" (1990 г.), "Берестецкая битва 1651 г." (1990 г.), "Белоцерковская крепость в первой половине XVIII века" (1991 г.). В ходе подготовки к изданию Свода памятников истории и культуры Украины по Ровенской области проведены обследования и подготовлены соответствующие статьи по 10 историческим городам Ровенской области. Результаты диссертационного исследования реализованы при подготовке публикаций в форме книг, брошюр, статей, тезисов докладов, общий объем которых, включая находящиеся в печати, составляет около 35 авторских листов.

Структура и объем работ. Диссертация представлена в виде трех томов. Первый том содержит основной текст общим объемом 321 стр., состоящий из введения, пяти глав и заключения. Все главы имеют содержательно обоснованное членение на параграфы. Основной текст заканчивается аналитическими выводами и кратким заключением. Второй том содержит иллюстративные материалы (355 рисунков). Третий вспомогательный том включает перечень основных использо-

ванных литературных и архивных источников (1815 наименований), перечень иллюстраций, а также список принятых сокращений.

* * *

Диссертант считает своим долгом выразить глубокую благодарность научному консультанту, доктору архитектуры О.Х.Халпахчыяну. Слова искренней признательности за помощь и поддержку в работе на разных этапах ее реализации диссертант адресует Г.И.Боряку, Р.Брыковскому, А.А.Воронову, И.Гуку, Н.М.Демину, В.В.Косточкину, М.Кубелику, Г.И.Лаврику, Б.Мартынюку, О.Я.Мацюку, Т.С.Проскуряковой, А.М.Рудницкому, А.В.Рябушину, Т.Ф.Саваренской, Н.И.Смолиной, В.Л.Хайту.

II. КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ дается общая характеристика диссертационного исследования, включающая определение его актуальности, постановку основной цели, основных и вспомогательных задач, характеристику методологии и методики исследования, его объектов и предмета, источниковой базы, временных и пространственных границ, определение научной новизны, практического и познавательного значения работы. Кратко отражена апробация и реализация основных результатов работы.

Первая глава - "ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ XV-XIX ВЕКОВ" - посвящена обобщенному рассмотрению совокупного опыта предыдущих исследований, близких к теме диссертации (отечественных и зарубежных), дается источниковедческий обзор архивных собраний с характеристикой использованных документальных первоисточников.

В первом параграфе - "Западноукраинский город как объект исторических исследований досоветского периода" - показано, что становление отечественной историографии западноукраинских городов относится к началу XIX века. В разрезе диссертационной тематики раскрывается значение публикаций С.Руссова, Д.Зубрицкого, М.А.Максимовича, В.Аскоченского, В.Б.Антоновича, П.Н.Батюшкова, М.Ф.Владимирского-Буданова, Н.И.Костомарова, М.С.Грушевского, А.Братчикова, Л.Крушинского, Н.Молчановского, Г.К.Лукомского и др. Особо отмечается конструктивная роль историко-популяризаторской деятельности таких изданий как "Подольские епархиальные ведомости", "Волынские епархиальные ведомости" и связанных с ними краеведов М.Орловского, А.Павловского, Е.Сецинского, А.Сендульского, Л.Рафальского и др.

Историографическому обзору отечественных исследований советского периода посвящен второй параграф этой главы. Отмечается, что пребывание западноукраинских земель в 1920-е - 1930-е годы в составе сопредельных государств не могло не ограничить исследования градостроительного прошлого этого региона. Те же, которые все же проводились, принадлежали обычно более широкому содержанию контексту. Из относительно небольшого списка выделяются работы харьковского профессора А.С.Грушевского, особенно его труд "Города Великого княжества Литовского в XIV-XVI вв. Старина и борьба за старину". Существенный вклад в историографию западноукраинского города принадлежит А.И.Барановичу. Упоминаются также работы М.Карачкивского, И.К.Вологодцева, А.Бирули, И.Крипякевича и др. В целом же этот отрезок времени в силу объективных обстоятельств не был отмечен значительным приращением объема отечественной историографии по данной теме.

За послевоенный период произошло заметное углубление разра-

ботанности темы. В Украине сформировалась собственная школа архитектурно-исторических исследований с такими ее признаками как наличие обдепризнанных ученых-лидеров, преемственность, тематическая и региональная специализация, институционализация отдельных исследовательских центров. Изложена конкретная историография вопроса в общенсторических трудах М.Н.Тихомирова, П.А.Раппопорта, П.П.Толочко, М.Ю.Брайчевского и др., в нескольких изданиях энциклопедического характера. Вместе с тем констатируется, что тема и объекты градостроительного искусства Западной Украины отражены в этих изданиях явно недостаточно, фрагментарно. Те же недостатки свойственны по сути тоже единственной монографии по истории градостроительства Украины "Планировка и застройка городов Украины", написанной А.И.Станиславским (1971 г.). Первой попыткой обобщенного рассмотрения западноукраинского градостроения в историческом ракурсе стала работа А.М.Руднишкого "Развитие городов западных областей УССР...", не получившая однако дальнейшего развития.

Из общенсторических работ украинских исследователей 1960-х - 1980-х годов, в которых тема градостроения присутствует в качестве более или менее самостоятельного аспекта, прежде всего упоминаются работы В.В.Грабовецкого, О.С.Комшан, Я.П.Кися, П.П.Михайлинца, А.К.Швилько, П.М.Саса, И.К.Свешникова, В.И.Тхора, П.С.Сиреджука, Н.П.Ковальского, Я.Д.Исаевича, И.З.Мельца, Ю.А.Мельника, С.Я.Машко и др. Стмечаются также некоторые работы ученых России и Белоруссии.

Среди наработок украинских историков-архитектуроведов в качестве важной предпосылки данного диссертационного исследования стмечаются научные труды Г.Н.Легвина, Ю.А.Нельговского, И.А.Игнаткина, З.С.Гурьяко, И.Р.Могичича и др. Особую группу составляют те работы, которые специально были ориентированы на исследования (в

т.ч. диссертационные) отдельных городов Западной Украины. Это в первую очередь работы В.А.Овсичука, А.М.Шуляра, Т.А.Трегубовой, Б.М. и О.А.Пламеницких, И.С.Винокура, Г.М.Хотвяна, Б.В.Колоска, В.М.Голованюк, Р.Н.Липки, Е.П.Олійник, Б.С.Черкеса, Г.С.Островского, А.В.Лесика, Д.В.Малакова, Ю.Ф.Хохла, Е.В.Тымановича, С.Р.Кравцова и др. Последнему принадлежит защищенная в 1993 году интересная кандидатская диссертация "Принципы регулярного градостроительства Галичины XIV-XVII веков".

В третьем параграфе - "Зарубежная историография градостроительства Западной Украины" - показано значение результатов, полученных зарубежными исследователями, прежде всего польскими, за последние два столетия. У истоков польской историографии западноукраинского города стояли такие известные писатели и исследователи как Ю.И.Крашевский, А.Шведецкий, М.Балинский, Т.Липинский, В.Суровецкий и др. Сформированная ими традиция историко-литературной, краеведческой беллетристики была развита и углублена во 2-й половине XIX века по отношению к Волыни Т.Штепким, по отношению к Галичине - Г.Ступницким.

Среди большого числа других польскоязычных публикаций до начала I-й мировой войны к разряду особо заслуживающих внимания отнесены книги и статьи С.Баронча, В.Хотковского, К.Дунин-Карвицкого, В.Гурского, Б.Лозиньского, А.Яблоновского, Ч.Тулъе, Я.Зубрицкого, Я.Гижицкого, З.Тлогера, А.Ролле (д-р Антони Ю.), А.Чоловского и др.

Отдельно характеризуется большое значение опубликованных иконографических материалов XVIII-XIX в., авторам которых были Я.-Г. Мюнц, А.Лянге, М.Стенчинский, Н.Орда, Г.Пейер, Ю.Вильчинский, З.Фогель и др.

Среди работ межвоенного времени упоминаются общесторические

и специальные публикации Л.Бялковского, П.Денбковского, А.Демжиньской, К.Хагера, А.Лаутербаха, Т.Мантойфеля, Т.Свищовского, Я.Пташника, М.Орловича, Я.Гофмана, Б.Януша, Л.Харевичевой, Т.Толвиньского, А.Круля, А.Прусевича, А.Кунцевича, С.Лозн и др.

Из послевоенных польских публикаций, так или иначе связанных с историко-градостроительной тематикой Западной Украины, характеризуются работы В.Калиновского, С.Травковского, Т.Козачевского, В.Островского, Я.Пуделко, Т.Шафера, В.Тшебиньского, К.Вейхерта и А.Адамчевской, Я.Видавского, Т.Врубеля, Т.Загородского, Т.Заренбской, С.Бобиньского, М.Богущкой, Г.Самсоновича, С.Гербста, М.Горна, Т.Спаса, А.Попше, Т.Рослановского, А.Виробица, Б.Зентарн, Б.Геркена, Ю.Богдановского, С.Добжаньского, А.Милобендского, М.Квятковского, С.Лорентца, В.Татаркевича, Г.Челека и др.

Упоминаются также относительно немногочисленные немецкоязычные издания периода вхождения Галичины и Северной Буковины в состав Австрийской монархии. Это прежде всего труды Р.Кайндля, Й.Главки, К.Распа, К.Вурцбаха, Ф.Викенхаузера, Ю.Баукопфа, Ф.Циглауэра и др.

Важной общеметодической предпосылкой в проведении исследования, в его соотношении с общемировым контекстом стали научные труды исследователей из западных стран: Г.Аргана, Л.Беневоло, А.Бриннмана, А.Христекка, Б.Эбхарда, В.Эгли, А.Шитера, Й.Гантнера, Э.Гаткинда, М.Гуго-Брунта, А.Тойнби и др., а также ведущих ученых России: Г.В.Алферовой, А.В.Бунина, Н.Ф.Гуляницкого, В.А.Лаврова, В.В.Косточкина, Т.Ф.Саваренской, О.Х.Халпахчьяна, Э.Н.Яргинной и др.

Отдельный, четвертый параграф посвящен обзору опубликованных документальных первоисточников, которые условно подразделены на три группы: летописные, актовые, нарративные. Среди летописных

кратко характеризуется значение для темы таких сводов как: Г.Гральянки, С.Величко, "Киевской летописи", "Межиторской летописи", "Львовской летописи", "Острожского летописца" и др.

К использованным в диссертационном исследовании актовым документам о городах относятся локационные и магдебургские грамоты; различные привилегии, лострации, ревизии, инвентари, описания и некоторые другие. Характеризуются наиболее значительные сводные публикации актовых материалов: "Архив Юго-Западной России", "Акты Юго-Западной России", "Памятники, издаанные Временной Комиссией для разбора древних актов..." и др.

Среди упоминаемых нарративных источников, связанных с западноукраинскими землями, приводятся описания, воспоминания, мемуары П.Карпини, Барбаро и Контарини, Лангуа, Лассоты, патриарха Макария, Э.Челеби, Г.-Л.Боплана, а также некоторые более поздние, относящиеся к XVIII-XIX векам.

Пятый параграф - "Документальные первоисточники в отечественных собраниях" - отображает основные результаты архивного поиска картографических, иконографических и текстовых материалов. Характеризуется состав выявленных документов в архивах, музеях, в специальных собраниях библиотек - как в пределах Украины, так и в бывшем СССР в целом. Наиболее богатые фонды по теме исследования обнаружены в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга: в Российском государственном военно-историческом архиве (фонды ВИА, № 349 и др.), в Российском государственном историческом архиве, в Российском архиве древних актов, в Государственной публичной библиотеке и в др. собраниях. Дается количественная и качественная оценка этих собраний с точки зрения наличия в них фиксационных и проектных планов городов, чертежей отдельных ансамблей и строений, прочих сведений. Особенно подробно в силу своей значимости описан

фонд РГВИА и РГИА. Охарактеризованы также фонды архивохранилищ Украины - как общегосударственных (Киев, Львов), так и областных, которые территориально совпадают с границами исследования. Отчасти освещены также фонды общегосударственных и областных библиотек, музеев.

В шестом параграфе - "Документальные первоисточники в зарубежных собраниях" - отображены найденные и использованные диссертантом архивные, музейные материалы за пределами бывшего СССР, прежде всего в Польше и Австрии.

Дается оценка таких польских собраний как Главный архив древних актов, Национальные музеи в Варшаве и Кракове, Национальная библиотека в Варшаве, Кабинет гравюр Варшавского университета, Варшавская политехника, Институт искусства Польской академии наук и некоторые другие. Общей отличительной и наиболее существенной чертой этих польских собраний по отношению к тематике данного исследования и в сравнении, например, с аналогичными отечественными учреждениями является явное преобладание ценных, малоизученных видовых материалов (акварели, гравюры, литографии и т.п.). Сносительно скромно представлены планы городов. Исключение составляют лишь богатые фонды архитектурных обмеров Варшавской политехники.

Среди зарубежных стран второе место по количеству и информационной значимости документальных первоисточников принадлежит Австрии, разумеется, в первую очередь по отношению к тем территориям, которые когда-то входили в ее состав. Кратко характеризуется уникальное собрание планов городов Военного архива в Вене, имевшего в своем составе целый ряд уникальных фиксационных планов западноукраинских городов. Дается также краткое описание фондов Австрийской национальной библиотеки и генетически связанной с

ней Альбертинн.

Во второй главе - "ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ УРБАНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ ХУ-ХІХ ВЕКОВ" - рассматриваются внешние обстоятельства и социально-политический контекст градостроительного освоения данного региона на различных исторических этапах.

В первом параграфе - "Градостроительное освоение западноукраинских земель в древнерусский период" - анализируется значение древнерусского градостроительного опыта. Рассматриваются различные точки зрения на природу древнерусского города и процессы урбанизации в целом. Проводится сопоставительный анализ понятий "град" и "город", отмечаются при этом отсутствие в этот период на Руси городов западноевропейского бургерского типа, аграрная основа "градов". Однако архитектурно-планировочная структура древнерусского города тем не менее достаточно рано приобрела характерную двухчастность ("детинец - посад"), вычленившись из монопространственного "града" и зафиксировав тем самым очень важный момент в своей эволюции. Появление двухчастной планировочной структуры засвидетельствовало новый уровень соответствия социальным трансформациям в древнерусском обществе, доказав в последующем свою необычайную жизнеспособность. В то же время это явление засвидетельствовало генетическую связь с общеевропейским градостроительным процессом.

В послемонгольскую эпоху многие западноукраинские города прекратили свое существование навсегда, иные превратились во второстепенные поселения, однако значительной их части (Владимир, Луцк, Кременец, Меджибож, Дубно, Острог и др.) все же удалось подняться и восстановить свое значение в продолжавшемся процессе урбанизации западноукраинских земель. При этом отмечено, что ар-

хитиктурно-планирсовочное развитие городов, основанных в X-XIII столетиях, в последующем шло различными путями - в диапазоне от полного сохранения исходной планировочной первоосновы до полного пространственного разделения старых и новых планировочных структур.

Второй параграф - "Общественно-политические условия развития городов в XV - I-й половине XVII веков" - содержит анализ тех основных изменений в сфере государственной принадлежности западно-украинских земель, которые определяли дальнейшие процессы их урбанизации. Самым существенным обстоятельством стала постепенно усиливавшаяся их колонизация сопредельными государственными образованиями. К концу XIV - началу XV веков после многолетнего соперничества в основном сформировался статус-кво: Галичина отошла к Польше, а Волынь, Подолье - к Великому княжеству Литовскому. Подчеркивается целенаправленная политика литовских князей по созданию на южных рубежах княжества новых городов в роли опорных оборонительных пунктов. При этом полностью сохранялась преемственность прежних общественных, в том числе градостроительных традиций: "Мы новия не уводим, а старин не рухаем" (вел. кн. Александр). Более того, "строительство крепостей, их укрепление, обеспечение землями, княжеское хозяйство и администрация, налоговая организация - все это сдвигалось у Руси" (Д. Дорошенко).

В этот же период начинается формирование мешанства как особой социальной группы, выделявшей город из окрестной "земли". Ее существование подкрепляется институтом немецкого (магдебургского) права, предоставлявшего городской общине большую автономию. Если в XIV веке магдебургию получили только Львов, Галич, Белз, Холм, Каменец-Подольский, то в XV веке этим правом уже пользовались Смотрич, Хмельник, Червоноград, Зиньков, Летичев, Владимир, Луцк,

Кременец, Еитомир, Дубно, Ровно, Перемиль и некоторые другие. Начался период расцвета городов, продолжавшийся до сер. XIII в.

Хотя магдебургское право не содержало конкретных норм градостроения, косвенно его влияние на застройку, как показал анализ, было достаточно существенным и затрагивало: актуализацию пространственных границ города; регламентацию обязанностей мещан в сооружении общегородских объектов; типологию общественных строений города, экономический и, как следствие, пространственный рост города; стимулирование регулярных начал в формообразовании городского плана.

Особо рассматривается противоречивая градостроительная роль так называемых "слобод" и "юридик", которые, с одной стороны, несомненно содействовали интенсификации использования городских территорий, с другой — сильно усложняли мероприятия по упорядочению застройки.

Кратко рассматривается также влияние церкви как общественного института на архитектурно-планировочную эволюцию западноукраинских городов, которое обуславливалось спецификой длительного сосуществования и соперничества православия, католицизма, иудаизма, некоторых других конфессий.

В параграфе кратко рассмотрены также понятийные особенности терминов "город", "місто", "miasto" и существенные различия в их социальной этимологии.

Обобщены статистические сведения о мере урбанизации Западной Украины по состоянию на кон. XV — начало XVI веков, в том числе по такому критерию как величина поселений. Установлено, что подавляющее большинство городов располагалось в это время на Правобережной Украине, в пределах которой наибольшую плотность городского населения имела Галичина.

Третий параграф – "Общественно-политические условия развития западноукраинских городов во 2-й половине ХVII-ХVIII вв." – отражает совокупность внешних факторов градостроения в новой исторической ситуации после крупномасштабных военных противостояний середины ХVII века. Последовавший затем период так называемой Руины вызвал на Поднепровье резкое сокращение хозяйственной деятельности и торговли, тогда как оставшаяся в составе Польши Западная Украина имела более благоприятные условия восстановления нормальной городской жизни. Однако уже тогда начался процесс постепенной деградации польской государственности, что подрывало былое экономическое процветание мешанства, усиливало анархию, снимало последние ограничения всевластия магнатства.

Как и в предыдущие столетия оставался по-прежнему очень пестрым национальный состав городского населения, но по-прежнему ведущую роль играла польская община. Как и прежде большинство городов были частновладельческими (в России они были исключением). Однако самая существенная тенденция – начинает утрачивать свою значимость институт магдебургского права, в противовес чему в городах резко возрастает роль церкви и аристократии, а соответственно и принадлежащих им юридик.

Некоторая активизация городской жизни отмечается в начале ХVIII века, хотя это явление отнюдь не было равномерным. В лучших условиях находилась Галичина и Волынь, в худших – Подолия. Серьезные изменения претерпевают принципы городского фортификационного строительства в силу развития новых тактических приемов военного искусства. Как и в первой половине ХVII века, в целом ХVIII столетие отмечено активизацией строительства в западноукраинских городах католических храмов – начинается, условно говоря, вторая волна контрреформации.

Одновременно с ослаблением в XVIII веке государственных институтов власти в Польше отмечалось упрочение социального и экономического положения магнатства. Следствием стало широкомасштабное дворцовое строительство, начавшееся еще в I-й половине XVIII века путем переустройства оборонных замков, а к концу столетия вышедшее на уровень типологически самостоятельной группы дворцово-парковых ансамблей.

В четвертом параграфе — "Западноукраинские города в составе Российской империи и Габсбургской монархии" — показаны те последствия трех разделов Речи Посполитой, которые проявились в XIX веке в изменении социальных условий архитектурно-планировочного развития городов. Отмечается, что эти условия оказались весьма различными в российском и австрийском государствах.

В самодержавной России с сильной вертикалью исполнительной власти к концу XVIII века уже сформировались основы единой, централизованной политики по отношению к застройке городов. России в то же время были чужды нормы магдебургского права, отсутствовали частновладельческие города, церковная жизнь в своей основе была моноконфессиональной. Все это не могло не обусловить новых подходов к новой застройке и переустройству западноукраинских городов. К тому же к концу XVIII века царская администрация и ее соответствующие службы имели уже достаточный опыт в сфере управления процессами градостроительства в своих прежних губерниях. Поэтому во вновь образованных на западноукраинских землях Волинской и Подольской губерниях новации в области градостроительства оказались в общем русле ранее сложившихся в России подходов. Специфика касалась в основном проблемы сочетания старого и нового, существующих планировочных структур и доминирующих в новых генеральных планах жестких регулярных схем планировки. Определенное значение имели также

изменения религиозной ситуации, общего развития транспорта, промышленного производства, торговли, роста населения.

В иных общественных условиях шло развитие городов в Галичине, Северной Буковине, отошедших к Австрии. За исключением немногих крупных городов здесь в большей степени ощущался провинциализм, оторванность от метрополии. Практически отсутствовала централизованная разработка генеральных планов. Застройка основывалась на прежних планировочных структурах, а ее эволюция шла, как правило, в направлении естественным образом формирующихся, нерегулярных планировочных схем. В то же время искусство архитектурного ансамбля в городской среде, возведение отдельных крупных построек общественного назначения в целом отражало стилевые, идейно-художественные концепции, свойственные австрийскому и, шире, европейскому зодчеству той поры. Эти обстоятельства постепенно трансформировали городскую среду в сторону все больших отличий от городов волинских и подольских.

Третья глава - "ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПЛАНИРОВОЧНЫХ СТРУКТУР ГОРОДОВ В XV-XIX ВЕКАХ" - в дополнение к вышеизложенным (гл.2) макроуровневым общесоциальным условиям западноукраинского градостроения представляет собой изложение основных факторов градоформирования на локальном городском уровне. Условно они подразделены на семь основных слагаемых, рассматриваемых в отдельных параграфах.

Рассматриваемый в первом параграфе генетический фактор определяется как некая совокупность структурных элементов городского плана, наследуемых в процессе последующего развития. В диссертации эта проблема рассматривается в двух временных аспектах: как по отношению к предшествующей эпохе, так и внутри временных границ исследования.

При рассмотрении "прочности" генетических связей между городами древнерусскими и городами Литвы и Польши констатируются различные формы их проявления. Более сильными они были по отношению к общей локации города, ослабевая по отношению к линиям фортификаций, трассировке улиц, местоположению площадей. Так, например, в Остроге, Владимире, Львове, Луцке старые системообразующие центры полностью сохранили свое значение планировочных доминант, тогда как примеры Львова, Тереховля, Кременца и др. городов обнаруживают частичную утрату прежними центрами своей главенствующей роли, а примеры Галича, Гощи, Корца, Шумска и некоторых других городов демонстрируют полную утрату преобладающей роли. Аналогичные процессы смещения центров поселений отмечены и в более позднее время (XVII-XVIII вв., Брацлав).

Особую специфику проблема преобладания получила в I-й пол. XIX века, когда шел активный процесс разработки новых генеральных планов городов.

Анализируемые во втором параграфе особенности воздействия природного фактора на формирование и эволюцию планировочных структур западноукраинского города отличались большим разнообразием и по сути относились к разряду главных детерминант своеобразия города. Основными слагаемыми природного фактора выступали ландшафтные особенности, связанные с рельефом городской территории, естественными и искусственными водоемами. Показано, что и те, и другие играли ведущую роль в определении внешних границ города, совпадавших на начальных этапах развития с линиями фортификаций и нередко замещавших сами эти фортификации. Именно это обстоятельство явилось причиной появления "неполных" фортификационных систем. В то же время как закономерность отмечается, что в условиях пересеченного ландшафта, более свойственного Галичине и

Подолки, большую роль играли защитные свойства рельефа, тогда как на равнинных участках Волны эта функция отводилась чаще естественным водотокам.

Во всех случаях важным дополнением к естественным водоемам становились искусственные пруды, иногда образовывавшие по внешней границе города целые каскады. Рассмотрены основные приемы и типичные примеры инкорпорации искусственных и естественных водоемов в городской организм.

Особо анализируются также взаимосвязи функционального зонирования города с рельефом местности в контексте соотношения "замок" - "место". Рассматриваются два аспекта этой взаимосвязи: горизонтальное и вертикальное зонирование. Как в первом, так и во втором случаях констатируется существенное влияние ландшафтного фактора на планировочную морфологию города. Прослеживается также временная эволюция значимости этого фактора и способа (способов) его реализации в конкретных условиях.

Третий параграф имеет целью показать социальные факторы формирования и эволюции планировочных структур на локальном уровне. Главное внимание обращено на следующие из них: демографические, этнические, конфессиональные, профессионально-цеховые. Последовательно рассматриваются их конкретные проявления в различные периоды исторического развития, подкрепленные примерами из практики западноукраинского градостроения. Констатируется, что в целом социальный фактор на локальном уровне был одним из мощных источников возникновения центростремительных усилий по отношению к эволюции планировочной структуры города, что объяснялось перманентными этническими, конфессиональными, профессионально-цеховыми противоречиями. Однако эти центростремительные усилия в подавляющем большинстве случаев не могли преодолеть целостный, иначе говоря, гомогенный

характер этой структуры. Города оставались, несмотря ни на что, единым организмом, и поэтому пространственные границы между этническими, конфессиональными, профессионально-цеховыми общностями архитектурно-планировочными средствами, как правило, не фиксировались, однако имели относительно устойчивую пространственную локализацию.

Четвертый параграф отображает опосредованное воздействие на территориально-пространственное формирование города экономического фактора, выступавшего в историческом процессе в двух взаимосвязанных проявлениях: в характере и интенсивности производства в городе, в характере и интенсивности товарообмена:

Подчеркивается, что основным показателем уровня экономического развития городов была доля населения, занятая в сельском хозяйстве. Она достигала 80% в малых и средних городах, зато в крупных доходила иногда до нулевого значения, что являлось следствием вытеснения подобного рода деятельности на предместья. Это обстоятельство косвенно обуславливало распределение плотности застройки: плотной в ремесленных ареалах и значительно более разреженной в ареалах так называемых "огородников".

В диссертации показано, что интенсивность торговых операций в городе в свою очередь косвенно находила отражение в формировании общественных центров, при назначении физических параметров открытых пространств, в возведении особой типологической группы объектов торговли (торговые ряды, отдельные лавки и магазинны, склады и т.п.). В планировочном отношении главным следствием являлся непеременимый атрибут города — рыночная площадь (площади). По мере роста экономического потенциала города и появления в городах так называемых "новых мест", как правило, фиксируется закладка на их территории "рынков-двойников", сохранявших однако

пространственные и функциональные связи со старым рынком.

Потребности торговли оставались по-прежнему одной из главнейших функций и при разработке новых генеральных планов в XIX столетии. При этом старые рынки сохраняли свое значение, но в крупных городах дополнялись новыми, количество которых иногда доходило до четырех (Каменец-Подольский, Житомир).

В пятом параграфе рассмотрен военный фактор формирования городской фортификационной системы на трех таксономических уровнях: общегородском, локальном, объектном.

Отмечается, что фортификации первого уровня, обеспечивавшие защиту города в целом, оказывали "консервативное" влияние на пространственное развитие города. Их приращение происходило скачкообразно в критических точках роста населения, а само существование содействовало стабилизации планировочной структуры (направление главных въездных дорог и локализация городских ворот, размещение и конфигурация прилегающих кварталов, сохранение характера планировки после ликвидации фортификаций).

Локальный уровень соотносится с автономными архитектурными комплексами, обеспечивавшими городу дополнительную меру обороноспособности, однако функционально в первую очередь предназначался для защиты особых ограниченных территорий (замки, монастыри). Отмечается, что изначально замки нередко имели общегородские функции, особенно в королевских городах, где жители самого города и округа имели так называемые "городни" на случай опасности. Эта функция к XVII веку была ими практически утрачена, хотя в композиционном отношении они всегда оставались доминантным компонентом в укреплениях города. Напротив, оборонные монастыри создавались на принципах соподчинения общегородским фортификациям, нередко дополняли их на важных участках. Только в исключительных

случаях монастыри приобретали на определенном этапе доминантное значение, перенимая по сути роль замка.

Третий, объективный уровень реализации военного фактора в застройке городов характеризуется по основной своей функции немилитарными постройками - теми, которые возводились с учетом возможности ведения оборонительных действий (ратуши, церкви, костелы, синагоги и т.п.).

Шестой параграф содержит краткий анализ влияния на формирование планировочных структур коммуникационного фактора, определявшего важнейшие внешние и внутренние функциональные связи в жизнедеятельности города. Поскольку в средневековом городе на его внешние связи довольно жесткие ограничения налагались наличием фортификаций, фактор коммуникации рассматривается с учетом этого обстоятельства.

В основу анализа положены четыре идеализированных варианта планировочных схем, отражающих возможное влияние на них этого фактора в условиях естественного развития города: полная сквозная, отталкивающаяся от одной сквозной магистрали и результирующаяся в радиально-концентрической планировочной схеме; неполная сквозная, имеющая в отличие от предыдущей определенные ограничения в направлении роста; линейная сквозная, характеризуемая существованием протяженных ограничений с двух сторон; тупиковая, образующая как и неполная сквозная усеченную радиально-концентрическую планировочную схему, отличающуюся однако тупиковым характером главной структурообразующей магистрали.

В седьмом параграфе предметом рассмотрения выступает эстетический аспект градостроительства, который придавал этому виду человеческой деятельности эстетический, дискретный характер, превращая город в полноправный объект архитектурного искусства. По

словам польского историка и теоретика градостроительства Т.Толвинского, "...фактор композиции координирует, гармонизирует и создает из обособленных факторов и фрагментов единый, сплоченный организм, простой по конструкции и ясный по монолитной форме". В этом смысле градостроительные концепции перекликаются с религиозными воззрениями той поры на город как на своеобразный микрокосм, который обеспечить всем жителям "единомыслие", "целомудрие", "здравие", "долгоденствие", "благодать" (П.Могила, Трехник 1646 года, "Чин основания города").

Отмечается, что города Западной Украины гораздо раньше Московского государства испытали на себе влияние ренессансных и барочных идей. Уже к концу XVI - началу XVII веков переориентация западноукраинского градостроения на Запад была по сути свершившимся фактом, что, правда, не означало полного разрыва с византийскими традициями, особенно в культовом зодчестве. Более того, подобное "соперничество" было одним из исходных условий постепенной кристаллизации самобытных явлений местной градостроительной и архитектурной практики.

Четвертая глава - "ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ" - имеет целью рассмотрение в хронологических рамках исследования эволюции планировочных структур городов как некоей самодостаточной, определенным образом упорядоченной совокупной целостности, контрапунктом которой являются взаимодополняющие нерегулярное и регулярное начала.

В первом параграфе - "Эволюция нерегулярных планировочных структур" - прослеживается роль иррегулярности в двух ее проявлениях: в качестве градостроительной наследственности по отношению к городам древнерусской поры и в качестве самостоятельной

тенденции развития в последующие столетия вплоть до XIX века, в том числе во взаимосвязи с регулярными локациями городов на магдебургском праве.

Примеры полного наследственного заимствования древнерусских планировочных схем нерегулярного характера относительно немногочисленны. В качестве основного, наиболее показательного образца рассмотрена планировочная структура Луцка, сохранившего в своей основе двухчастную схему плана, которая возникла из детинца и посада (града и пригородка). Тупиковая схема проявления коммуникационного фактора, стабильность территориальных ареалов, отсутствие серьезных планировочных трансформаций характеризуют нерегулярную планировочную структуру Луцка как одну из наиболее консервативных. Второй пример аналогичного заимствования — Яitomир (до начала реализации генеральных планов в XIX веке). Консервативному характеру его планировки содействовали развитый рельеф, такая же тупиковая схема коммуникации с окружающей средой.

Анализируются также ряд примеров, которые иллюстрируют процессы совмещения нерегулярной планировочной подосновы древнерусского происхождения с отдельными планировочными акциями регулярного характера — прежде всего с локациями рыночных площадей. Среди них — Острог, Владимир-Волынский, Звягель, Дубровица, Овруч и др. Как общая закономерность при этом отмечается, что нерегулярные планировочные структуры радиального и радиально-кольцевого типов прежде всего были свойственны городам, основанным в X—XIII веках при доминировании военного и ландшафтного факторов. Города, основанные позже в XV—XVI веках на магдебургском праве, имели уже иную иерархию планировочных детерминант, в которой на первом месте, как правило, была потребность архитектурно-планировочного упорядочения городов в целом или, по крайней мере, их центров. В

качестве примера нерегулярной линейно-радиальной планировочной структуры, возникшей и развивавшейся в относительно поздний период (XIII-XIX вв.) рассматривается застройка Черновиц.

Следующий параграф - "Регулярные планировочные структуры в градостроении периода магдебургских локаций XV - I-й половины XVII веков" - посвящен анализу ортогональных планировочных схем, их возникновению и эволюции. Самые первые реализации регулярных планов в западноукраинском регионе относятся ко 2-й половине XIV века (Львов, Дрогобыч, Белз, Галич).

Наиболее ярким по замыслу и по воплощению был пример Львова, открывший по сути новую главу в истории западноукраинского градостроения. Изначально город был задуман как компактное, единое целое на основе "шахматного" плана в габаритах квадрата с рынком в геометрическом центре. В процессе естественной эволюции произошли некоторые деформации исходной идеи, хотя общая планировочная система и внешние фортификации остались здесь все же более конформными по отношению друг к другу, чем, например, в таких соседних городах-сверстниках как Краков, Вроцлав, Познань, Варшава и др. Как утраченный вариант львовской планировочной модели рассматривается застройка города Дрогобыча. Сопоставление планов этих двух галицких городов обнаруживает настолько значительную схожесть композиции и пропорционального строя, что может быть выдвинута версия не только об одномоментности их создания, но и об одном и том же авторстве. Иной прием был положен в основу плана Белза. Анализ поздних фиксационных планов показывает использование в основе его плана прямоугольника с соотношением сторон 1:2 при одновременном смещении рынка по продольной оси, т.е. есть первоначальный замысел не был центричным.

В XV веке регулярные принципы локации городов получили раз-

витие в Каменце-Подольском, Арменце, Дубно, Ровно и некоторых других городах региона.

Подробно анализируется хорошо известная планировка Каменца-Подольского с выводом о том, что его первоначальная локация не охватывала всей территории в пределах старого города, а в основе замысла был положен вытянутый с севера на юг прямоугольник с квадратным рынком, центр которого был несколько смещен по отношению к внешним габаритам планировочной схемы. Это может служить свидетельством того, что Армянский рынок сформировался за пределами первоначальной, рано утраченной демаркационной черты города, то есть являлся функционально и пространственно южной предместной зоной.

В XVI - I-й половине XVII веков отмечается заметная диверсификация регулярных планировочных схем, обусловленная, с одной стороны, проникновением в практику местного градостроения ренессансных идей "идеального города", с другой, - эволюционным обновлением сложившихся ранее подходов. Эволюционный путь был явно преобладающим. Среди нескольких десятков городов, получивших локационные (или магдебургские) грамоты в I-й половине XVI века, к характерным примерам планировочных реализаций отнесены Чуднов, Звягель, Золочев, Березань, Дуравно, Тернополь, Бар. На основе картографических первоисточников и текстовых описаний анализируются особенности формирования их регулярных планов - как в целом по отношению к застраиваемой территории, так и по отношению к отдельным их фрагментам, отмеченным регулярными чертами. В небольших городах отмечается возрастающая ограниченность регулирующего начала, затрагивавшего обычно только непосредственно окружавшие рынок территории. К немногим попыткам более масштабного планировочного регулирования на территории всего города могут

бить отнесены Березанн. Пропорциональные характеристики плана Березан позволяют провести аналогии со Львовом, что свидетельствует о взаимовлиянии градостроительных идей в регионе.

Отмечается, что процесс основания новых городов с использованием регулярных начал заметно активизировался во 2-й половине XVI века и продолжался вплоть до середины следующего столетия. По-прежнему главным формообразующим элементом оставалась рыночная площадь. Возникавшие при этом различия и местные особенности определялись мерой распространения регулирующего влияния рынка. Иногда оно ограничивалось исключительно фронтальной застройкой, чаще схватывало один пояс околорыночных кварталов, реже касалось также второго и последующих поясов. Типичным становится отчленение регулярной застройки городского ядра от иррегулярных городских маргиналий. На этом фоне выделяются немногочисленные примеры создания цельных градостроительных композиций с упорядоченным соподчинением и взаимоувязкой основных структурообразующих элементов города (замок, городские фортификации, рынок, рядовая застройка). Идейной почвой этих реализаций стали теоретические концепции архитекторов западноевропейских стран, прежде всего Италии. Анализируются также реализации в Бродах, Жолтве, Збараже.

Отмечается, что уже в I-й половине XVII века по мере ослабления института магдебургского права и общего упадка городов начинается процесс деструкции ранее сложившихся регулярных планировочных схем. В результате к концу XVII века во многих городах рыночные площади утрачивают правильную форму, а некогда регулярно организованная планировка уличной сети в городах трансформируется постепенно в свободные планировочные системы радиального, радиально-концентрического, ленточного либо смешанного типов.

В сложных, противоречивых условиях развивалось западноук-

раинское градостроение, начиная со середины XVII века, чему специально посвящен третий параграф - "Эволюция планировочных структур во 2-й половине XVI-XVIII веках". Подавляющее большинство городов в этот полуторавековой период развивались на основе ранее сформировавшихся структур. Основание нового города стало крайне редким явлением, а местечки и мелкие города нередко превращались в села. Тем необычнее и интереснее выступают немногие примеры новых градостроительных начинаний. Анализируются два таких примера: основание Станислава на Покутье и перепланировка Немирова на Подолье.

Станислав являлся идеальным образцом реализации ренессансных идей "города-крепости" с единой системой взаимосогласованных структурообразующих элементов - прежде всего бастионных фортификаций, построенных в два этапа на основе строгого геометрического расчета, а также рынка, внутренней квартальной застройки, храмовых комплексов. Совершенно иными подходами отмечена перепланировка подольского города Немирова, предпринятая в середине XVII века на месте небольшого местечка. Лишенная внешних фортификаций, его планировочная структура основывалась на осевой композиции с главной продольной и второстепенной поперечной осями, пересекавшимися в геометрическом центре уже не столько рыночной, сколько репрезентативной площади с регулярно спланированными зелеными насаждениями. Это был первый крупномасштабный пример реализации классицистических градостроительных идей с окончательным преодолением доминанции квартала в пользу открытых уличных пространств.

Анализируются аналогичные, однако более фрагментарные подходы при застройке Умани и Тульчина, а также малоизвестный концептуальный проект широкомасштабного переустройства волынского местечка Чарторийска, выполненный Т.Костышко в I-й половине 1770-х

годов после обучения в Парижской академии живописи и ваяния, в Версальской военной академии.

Заключительный параграф четвертой главы — "Проектный и практический опыт регулярного градостроения в XIX веке" — посвящен новым явлениям в переустройстве западноукраинских городов в новых общественно-политических условиях после вхождения Галичины в состав Австрии, а Волыни и Подолии в состав России. Все города, отошедшие к Российской империи и получившие статус штатных административных центров (центры губерний и уездов), подпали под постоянную опеку государственных административных органов, ведавших градостроительным регулированием, тогда как в отошедших к Австрии галицких городах административное регулирование было предельно ограниченным и носило локальный характер. Поэтому больше внимания уделено градостроительному опыту в Волынской и Подольской губерниях.

Подробно рассматриваются обстоятельства архитектурно-планировочного переустройства Житомира. Утвержденный в 1827 году его первый генеральный план был направлен на преодоление нерегулярной, в какой-то мере даже хаотической застройки путем спрямления улиц и переулков, организацию новых городских площадей, использование геометрически "правильной" квартальной застройки, установление четкой границ города. При этом однако на территории старого города, ограниченного когда-то земляным валом, регулирующее влияние было незначительным и касалось только центральной и двух боковых улиц. На остальных территориях отчасти сохранялись сложившиеся направления главных дорог, хотя основная часть бывших предместий подвергалась полному преобразованию на регулярной основе. Несмотря на директивный характер этих акций в Житомире и неоднократно вносившиеся позже изменения, в целом градостроитель-

ная концепция оказалась достаточно жизнеспособной, а результаты ее реализации хорошо сохранились и в современной планировочной структуре центральной части Житомира.

В особых условиях осуществлялась разработка генеральных планов для другого губернского города - Каменца-Подольского, который в отличие от Житомира к началу XIX века был достаточно цельным, исторически сформировавшимся городским организмом с очень плотной застройкой в пределах старого города. В силу этого Каменец-Подольский оказался единственным городом, в котором намечавшиеся генеральными планами градостроительные акции практически не коснулись его исторического ядра, а были в основном сосредоточены на незастроенных территориях и предместьях. Таким образом, здесь столкнулись две одновременные и разномасштабные концепции планировочного регулирования - моноцентрическая средневековая с организующей ролью рынка, и рассредоточенная нового времени, базировавшаяся на множественных однотипных кварталах и уличных пространствах.

Далее рассматриваются некоторые наиболее интересные примеры градостроительного регулирования застройки уездных центров (Ровно, Новограда-Волинского, Бердичева, Луцка, Проскурова и др.). Отмечается достаточно широкий диапазон пространственной "жесткости" их новых генеральных планов - от предельно геометризованных абстрактных схем до более гибких, адекватных реальным градостроительным планировочным построениям.

Из градостроительного опыта XIX века в галицких городах в качестве заслуживающих внимания примеров рассматривается развитие застройки Станислава, Черновиц, а также малоизвестный нереализованный проект В. Яблоновского по перепланировке Краковского предместья во Львове (1860 г.), в котором угадываются аналогии

с парижскими акциями барона Оссмана. Отмечается, что отсутствие в Габсбургской монархии мощного централизованного управления развитием городов обуславливало их естественный рост на базе исторически сложившихся структур. Формирование кварталов и уличной сети шло от реально складывавшегося и лишь в незначительной мере корректируемого градостроительного процесса. В то же время значительное внимание уделялось формированию локальных ансамблей и фронта уличной застройки в сочетании с разнообразными приемами акцентирования угловых участков и перекрестков, с локальным обустройством площадей различного назначения.

Пятая, заключительная глава - "ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ГОРОДСКОЙ КОМПОЗИЦИИ" - содержит генетический анализ важнейших составных частей архитектурно-планировочной структуры западноукраинских городов на разных этапах их развития.

Аналізу предшествует выяснение некоторых понятийных определений элементной базы, чему специально посвящен первый параграф - "Основные элементы архитектурно-планировочной структуры города и связи между ними". Констатируется, что содержательное разнообразие и большая насыщенность градостроительного опыта отнюдь не противоречат возможности и необходимости отдельного рассмотрения неких исходных, относительно устойчивых архитектурно-планировочных элементов. При их определении диссертант исходит из того, что вычленение этих элементов не может лежать в плоскости простой одноуровневой классификации с единым основанием. Условно принято три таких уровня: общегородской, территориально-пространственный, объектный. На основе этой предпосылки вычленяются: на общегородском уровне - дихотомическая пара "город" ("место") и "замок" (либо его "заместители" и "последователи"), на территориально-

пространственном в качестве компонентов "места" - улица, площадь, квартал при главенствующей роли рынка; на объектном уровне - отдельные сооружения различного назначения, так или иначе "включенные" в городскую структуру. Вместе с тем отмечается, что в реальной действительности наиболее значимые элементы исторически развивающегося городского организма всегда были многоуровневыми образованиями со своими собственными признаками и закономерностями развития. В диссертации к таковым элементам отнесены: рыночные площади, объекты фортификации, культовые объекты, дворцово-парковые ансамбли. Каждый из них имел особые градостроительные аспекты возникновения и развития, нередко относясь одновременно к разным таксономическим уровням.

Отмечается типичное явление, когда город приобретал несколько рыночных площадей - либо в силу полицентризма городского населения, либо в силу появления т.н. "новых мест".

Рассматриваются структурообразующие основания для дальнейшего анализа фортификационного строительства в городах, которое по своим внешним функционально-типологическим проявлениям в исследовательских целях расчленяется на две взаимосвязанные группы: фортификации общегородского назначения и относительно автономные замковые комплексы.

Показано многоаспектное значение культовых объектов в формировании городской среды, которые могут быть предметом историко-градостроительного анализа как с точки зрения их внешних пространственных связей (с рыночной площадью, с замками, с городскими фортификациями и т.п.), так и с точки зрения внутренней логики их формирования, что особенно актуально по отношению к монастырским комплексам.

Подчеркивается, что суммарный вектор взаимодействия между

различными структурообразующими элементами города вплоть до конца XVII столетия был закономерно направлен внутрь городской среды, т.е. центростремительные тенденции преобладали над тенденциями центробежными. Положение изменилось примерно со середины XVIII века, когда начинают утрачивать былое значение оборонные рубежи города. В этих условиях важное значение приобретают открытые во внешнее пространство дворцово-парковые комплексы, представлявшие несомненный интерес для исторического анализа как элемент градостроительной композиции.

Следующий параграф — "Особенности локации и архитектурно-планировочного формирования рыночных площадей" — специально затрагивает, пожалуй, одно из наиболее интересных явлений в истории западноукраинского градостроительного искусства.

Важным исходным пунктом исторического анализа формирования рыночных площадей является вопрос датировки их заложения. Очевидно, что почти всегда это были одномоментные акции, осуществлявшиеся на основе некоего исходного замысла, однако прямые датировки в документальных первоисточниках встречаются редко. В силу этого за основу могут быть приняты датировки локационных или магдебургских грамот, либо ссылки на заложение "места". Первые рыночные площади с регулярным планом возникли не позже конца XIV века в таких городах как Львов, Дрогобыч, Каменец-Подольский, Белз и некоторые другие. Резко увеличилось число рыночных локаций в следующем столетии (Буск, Кременец, Дубно, Ровно, Перемиль, Самбор, Стрый, Дрогобыч, Владимир и др.), однако наибольшего размаха этот процесс достиг в XVI — I-й половине XVII веков.

Рассматривается этимология термина "рынок" ("okół" — "circulus" — "ring" — "гулек" — "рынок"), которая отчасти раскрывает и градостроительную суть явления, шедшего от нерегулярных, овальных

площадей. Анализируются особенности локации регулярных рынков в ранее сложившихся городах, тенденции к их низинному заложению в структуре "мест". Особо вычленяется вопрос о величине рыночных площадей, которая редко была связана напрямую с величиной и хозяйственно-экономическим потенциалом самого поселения. Диапазон величин по данным сопоставительного анализа составляет от 0,5 га (Теребовля, Судовая Вишня, Дубровица, Ямполь) до 6 га (Летичев, Ладжин, Винница). Показаны основные причины этого разброса. Однако в основной своей массе рынки "старых" городов занимали территорию не более 2,0-2,5 га (3-4 морга), причем среди проанализированных 60 примеров отмечено тяготение к двум величинам: I и I,5 га. В зарубежных исследованиях (Б.Козачевский, Я.Лобоцкий, Я.Пуделко и др.) представлены попытки вывести величину и форму рынка из общегородской планировочной структуры и наоборот. Аналогичные подходы могли иметь место в западноукраинских городах, в частности квадратный рынок по всей вероятности служил исходным планировочным модулем для разметки кварталов во Львове, Дрогобыче, Белзе, Бережанах и др.

Особый вопрос — пропорциональные соотношения сторон рыночных площадей. Отмечается, что в XIV-XV столетиях преобладали квадратные рынки, позже — прямоугольные. Определяющим условием возникновения квадратных рынков была благоприятная топография с возможностью равнозначного обустройства рынка по всем направлениям. Рынки в виде прямоугольников возникали обычно в поселениях с доминанцией одного или двух направлений пространственного развития. Немаловажная предпосылка локации прямоугольных рынков — возможность увеличения количества прирыночных участков по длинным сторонам с лучшими условиями ориентации, инсоляции, коммуникации и т.п.

Рассматриваются вопросы архитектурно-композиционной связи рынка с прилегающими улицами в виде двух принципиальных схем: "шахматной", когда рынок являлся одной из незастроенных ячеек в планировочной системе; и "осевой", когда прилегающие улицы ориентировались на геометрический центр площади. Отмечается доминанция первой схемы. Вторая появилась позже и к тому же в виде фрагментарных проявлений. В какой-то мере вторая схема вновь заявила о себе в двух поздних примерах (конец XVIII в.) по созданию центральных площадей в Корце и Катербурге на основе многолучевой центричной композиции. Раскрыты особенности этих малоизвестных реализаций.

Особый аспект — локация и разметка прирыночных земельных участков (плацев). Анализируются такие ее характеристики как количество прирыночных плацев, их параметры и ориентация, мера влияния на окружающую застройку. Показана взаимосвязанность этих характеристик и различия между ними на примере Львова, Каменца-Подольского, Березан, Кременца, Винницы. Сопоставляются также два способа периметральной застройки — более ранний "щипцовый" с ориентацией на площадь торцевой стороны прирыночных домов и более поздний "коньковый", когда дома занимали уже несколько плацев и выходили на фронт площади длинной стороной. Эта последняя тенденция в XVIII-XIX веках значительно ослабила пластическую выразительность периметральной рыночной застройки.

Уделено внимание использованию внутреннего пространства площади, прежде всего для возведения ратуш и торговых помещений. На отдельных примерах показаны различные способы соотношения архитектурного объема ратуши и рыночного пространства, которые характеризовались на начальных этапах значительной степенью свободы, нейтрисированности (Львов, Каменец-Подольский, Дубно, Ровно, Сам-

бор и др.). С XVII столетия проявляется тенденция к центричному размещению ратуши (Гусятын, Станислав). В то же время отмечены случаи периметрального (Старокопчанов, Кременец) и даже углового ее размещения (Коломыя). Торговые же сооружения, как правило, отмечены планировочной неупорядоченностью.

Рассмотрено влияние на формирование рыночных площадей культового строительства (приходские и кафедральные храмы, монастыри), которые были важным средством обогащения архитектурно-пространственной композиции рынка. Показаны наиболее типичные приемы размещения культовых построек в околорыночном пространстве.

В третьем параграфе - "Основные направления эволюции фортификационного строительства и его градостроительные аспекты" - рассмотрены общегородские фортификации и замковые комплексы. Для градостроительного анализа условно вычлняются две основные системы фортификаций (как городских, так и замковых): стеновые и бастионные.

Самым характерным примером возведения каменных стеновых общегородских фортификаций являются оборонные сооружения Львова, реализовывавшиеся в несколько этапов, начиная с последней четверти XIV столетия. Несомненно, что по первоначальному замыслу предполагалась полная конформность оборонительного рубежа и регулярного плана города, хотя уже вскоре некие привходящие обстоятельства деформировали его внешний очерк. Анализируются характер размещения оборонных башен вдоль стен I-го и второго кольца, отмечается при этом отсутствие однозначных связей между их местоположением и внутренней структурой города.

В XIV-XV веках каменные городские укрепления башенно-стенного типа появились также в Галиче, Терембле, Тустани. Вероятно их существование также в Самборе, Дрогобыче, Белзе. Общей чертой

всех этих ранних оборонных комплексов была тесная взаимосвязь с территориальным ареалом "места" с целью минимизации общей протяженности городских стен и, по возможности, максимализации обороняемой территории. Довольно позднее строительство каменных городских стен в Жолкве (кон. ХVI – нач. ХVII вв.), когда в европейской практике уже были хорошо известны бастионные укрепления, свидетельствует не столько о маргинальном характере явления, сколько, видимо, о субъективных предпочтениях владельца города С.Жолковского.

На Волыни и Подолии только единичные города имели полные или фрагментарные укрепления из камня. В диссертации рассматриваются примеры Острога, Сатанова (полные), а также Луцка и Каменца-Подольского (частичные каменные стены). Однако в подавляющем большинстве случаев в XV–XVI веках внешние городские укрепления были здесь деревянными или дерево-земляными и представляли собой различные сочетания частокола, палисада, острога, рвов и валов. Упрощенные дерево-земляные укрепления стенового типа возводились нередко и в последующие периоды – в XVII и даже в XVIII столетиях, обеспечивая не столько надежную оборону, сколько демаркацию городской границы.

Гораздо чаще для фортификации городов использовались фрагментарные дерево-земляные укрепления в комплексе с естественными препятствиями (водными и рельефными). Рассмотрены типичные примеры такого рода фрагментарных укреплений. Помимо их основного назначения, отмечено влияние этих оборонительных рубежей на последующее формирование планировочной структуры городов.

Среди немногочисленных примеров реализации полной замкнутой линии земляных укреплений особо отмечены Межиричи Острожские и Старокопачинские, созданные усилиями князей Острожских во 2-й

половине XVI века. В обоих случаях заметны первые признаки появления узловых пунктов обороны, которые по своей морфологии уже отдаленно напоминали земляные бастионы.

Первые настоящие бастионы упрощенного староитальянского типа появились во Львове еще в 1520-е годы как дополнение к третьему кольцу обороны. В том же Львове во время правления Владислава IV возводится четвертая линия обороны с земляными бастионами так называемого "клевцового" типа (в начале XIX века полностью срыты). Наконец, пятая линия бастионных укреплений вокруг Львова была запроектирована в нескольких вариантах (А.Пассароти, Ф.Геткентом, Дезро и др.), но так и осталась нереализованной.

По сравнению со Львовом гораздо большей цельностью обладали бастионные системы тех городов, где не было ландшафтных и планировочных ограничений при их возведении. Таких уникальных реализаций городов-крепостей было несколько, наиболее яркие - Полонное, Броды, Станислав^ж, Мукачево. В диссертации анализируются предпосылки создания и регулятивные планировочные идеи, положенные в их основу (в Полонном - правильный пятиугольник, в Станиславе - шестиугольник с последующим приращением трапеции, в Мукачево - семиугольник, в Бродах - овал с десятью бастионами). Законченной системой городских укреплений бастионного типа обладали также Бережаны, однако их планировочная композиция была нерегулярной. Приводится также очень интересный, но нереализованный проект фор-

^ж Практически полностью утраченные фортификации Станислава реконструированы по документальным первоисточникам на макете "Город Станислав в середине XVIII века" (М 1:500), выполненном в 1990 году под руководством диссертанта для Ивано-Франковского краеведческого музея.

тификационной системы города Буска.

В этих условиях формировались и развивались фортификации северобуквинского города Хотина, находившегося долгое время в сфере влияния Турции. Это обстоятельство наложило заметный отпечаток на развитие его оборонительных сооружений, которые имели ряд планировочных и конструктивных особенностей, рассмотренных в диссертации. Проанализированы основные исторические этапы строительства хотинских укреплений. Отмечены несколько примеров фрагментарного использования бастионных систем для обороны городов на наиболее ответственных участках (Каменец-Подольский, Острог, Олыга, Окопы Св.Троицы и др.).

Особое внимание уделено закономерностям исторической эволюции замкового строительства, которое также прошло длинный путь от дерево-земляных и каменных стеновых систем к системам бастионным с рядом промежуточных стадий. Выделяются при этом два аналитических аспекта: 1) роль и место замков в архитектурно-планировочной структуре городов; 2) формирование замков как самостоятельных произведений градостроительного искусства. В первом аспекте рассматриваются три варианта сопряжения замка и города: "замок вне города" (т.е. вне городской оборонительной системы), "замок на границе города" и "замок внутри города".

Первый вариант, достаточно частый в XV-XVII веках предполагал полную функциональную и пространственную автономность и города, и замковых комплексов. Примеры такого решения - Львов (Верхний замок), Каменец-Подольский, Ровно, Ляховцы, Олыга, в определенной мере также Дубно, Острог и др. города. Наиболее распространенным однако был второй вариант, когда замок мог вести автономную оборону, являясь в то же время составной частью городских фортификаций на каком-то одном направлении. Среди наиболее характерных

примеров упоминаются Луцк, Житомир, Староконстантинов, Меджибож, Брацлав, Степань, Дубровица, Бережаны, Броды, Золочев и др. Третий вариант встречался относительно нечасто и, как правило, в относительно поздних реализациях (Полонное, Станислав, Мукачево), хотя он был довольно распространенным в средневековом западноевропейском градостроительстве.

Частный, но достаточно важный аспект — пространственные взаимосвязи замка и рыночной площади. Города с древнерусской планировочной подосновой обычно не имели регулярных рынков, и связь их с замками не имела существенного значения. Однако начиная со 2-й половины XVI века по мере распространения ренессансных градостроительных идей намечается тенденция к пространственному сближению и соподчинению рынка и замка (Броды, Бережаны, Стрый, Староконстантинов и др.), а в ряде случаев отмечается и их непосредственное пространственное соприкосновение (Жолква, Дубно, Положное и др.).

Основные особенности формирования замков как самостоятельных объектов градостроительного искусства рассматриваются аналогично городским фортификациям сквозь призму эволюции их оборонных систем (башенно-стенных, бастионных). Подчеркиваются существенные различия между этими системами с точки зрения их локации — тяготение первых к возвышенностям, хотя и ограниченным по площади участкам, тяготение вторых к равнинным и более обширным территориям. Как башенно-стенные, так и бастионные замки анализируются с точки зрения количества узловых пунктов (башен и бастионов). По этому признаку сопоставлено 37 замков башенно-стенного и 15 бастионного типов. Отмечены переходные формы замковых фортификаций от башенно-стенных к бастионным, а также некоторые примеры сочетания разных форм в процессе исторического развития замков

(Каменец-Подольский, Бережаны, Мукачево).

В четвертом параграфе - "Культовые постройки в архитектурно-планировочной структуре городов" - в различных исследовательских срезах с привлечением конкретных примеров рассматривается роль храмового строительства (монастыри, церкви, костелы, синагоги) в формировании городской застройки.

На общегородском уровне вначале анализируются те относительно немногочисленные случаи, когда монастырские комплексы приобрели функции городского ядра, выступая в роли своеобразных "заемителей" замковых ансамблей. Среди примеров - Межиричи Острожские, где доминантную роль играл францисканский оборонный монастырь, и Бердичев с одним из самых мощных оборонных монастырей кармелитов босых. В обоих случаях их появлению предшествовали замковые строения. Показательным примером является также Почаев, с той однако особенностью, что здесь с самого начала градоформирующей основой местечка выступал монастырский комплекс. Он характерен еще и тем, что уже к началу XVIII века здесь сложилась двухчастная планировочная структура, состоящая из "монастыря" и так называемого "пригородка" (преградия) с собственными рубежами обороны.

Особо рассмотрены общие подходы к включению храмовых построек в структуру замковых ансамблей, в которых они нередко выступали в качестве важных элементов архитектурно-планировочной композиции. Обычно они располагались на замковых подворьях в виде отдельных строений с преимущественным тяготением к геометрическому центру замковой территории (Луцк, Меджибож, Белая Церковь, Корец, Каменец-Подольский, Клевань, Смотрич, Проскуров, Кременец и др.). Нередки также случаи, когда храмовые строения блокировались с другими замковыми строениями, в том числе оборон-

ными, что в той или иной мере повышало обороноспособность замков ("Низкий замок" во Львове, замки в Бережанах, Остроге, Староконстантинове и др.). Анализ конкретных примеров свидетельствует, что характер внутренних связей храмов с остальными замковыми сооружениями различался в диапазоне от доминантных (Острог) до автономно-соподчиненных (Корец).

Специально рассматривается историческая эволюция архитектурно-пространственных связей между культовыми постройками и рыночными площадями в западноукраинских городах. Отмечается, что в городах с регулярными рынками наиболее распространенным приемом стало размещение храмов (кафедральных и приходских) на смежных участках у внешних углов площади (Львов, Каменец-Подольский, Ровно, Меджибож и др.). В качестве истоков этого явления выделены общепринятые системы парцеляции прирыночных участков, возможность создания при храмах автономных площадей, территориально-функциональное и визуально-композиционное тяготение храмов к рынкам как полифункциональным центрам жизнедеятельности города. В XVII-XVIII веках тенденция к внедрению в пространственную структуру рынка храмов получила дальнейшее развитие путем непосредственного выхода культовых сооружений на внутренний фронт околорыночной застройки (Бережаны, Кременец, Жолква и др.). Одним из приемов композиционно-визуальной взаимосвязи было осевое соподчинение храмов и площади посредством уличных пространств.

Рассматриваются примеры, когда сугубо градостроительные обстоятельства диктовали отклонения от традиционно принятой ориентации христианских храмов по направлению "восток-запад". Анализируется на конкретных примерах роль культовых построек в формировании архитектурного силуэта городов и в визуальной акцентации узловых элементов планировочной структуры. На примере Львова про-

слежено реально сложившееся к середине XVIII века размещение храмов на территории города с выявлением минимизированных пространственных связей между ними.

Особенность монастырского строительства в западноукраинских городах — достаточно широкое распространение оборонных монастырей с фортификациями башенно-стенового типа. Бастионные укрепления использовались в исключительных случаях, когда это обуславливалось градостроительными факторами (Бердичев, Вишневец). Отмечается, что в отличие от православной традиции католические монастыри как автономные объекты градостроительного искусства базировались на явно преобладающих принципах блокировки отдельных объемов в одно целое. Анализируются основные композиционные схемы соотношения двух основных элементов монастырских комплексов — монастырских храмов (костелов) и блокируемых с ними вспомогательных помещений (келий, школ, трапезных и т.п.). На основе анализа монастырского строительства вычлениются восемь композиционных схем блокировки (четыре симметричные и четыре асимметричные). Отмечается явное доминирование асимметричных, среди которых в свою очередь преобладают планировочные схемы монастырских ансамблей с замкнутыми дворовыми пространствами. Рассматриваются наиболее типичные примеры монастырских комплексов с точки зрения лежащих в их основе композиционных схем блокировки.

Самостоятельное значение имеет вопрос о роли и месте монастырей в формировании городской среды. Приходские, кафедральные храмы наряду с монастырскими ансамблями всегда относились к числу узловых элементов архитектурно-планировочной композиции города, во многом определявших характерные особенности структурирования городской "ткани". Разнообразные формы и способы внедрения монастырских ансамблей в архитектурно-планировочную структуру

западноукраинских городов показаны на конкретных примерах строительной деятельности иезуитского ордена, с конца XVI века по 1773 год занимавшие лидирующие позиции по масштабности и выразительности своих архитектурных реализаций. На первом этапе (I-я пол. XVII в.) крупные иезуитские резиденции были построены во Львове, Луцке, Остроге, Каменце-Подольском, Баре, Виннице. На втором этапе (кон. XVII - сер. XVIII в.) они появились в Кременне, Станиславе, Полонном, Житомире, Самборе. Среди основных пространственных аспектов иезуитского строительства, как показывает анализ, - с одной стороны, тяготение к рыночной площади, с другой - стремление занять часть городского оборонительного рубежа. Нет ни одного примера строительства за пределами городских укреплений. Выразительные средства барочной архитектуры в полной мере использовались для создания величественных ансамблей, приобретающих доминантную композиционную роль в городе. Проанализированы конкретные примеры иезуитских реализаций.

Заключительный параграф пятой главы - "Дворцово-парковые ансамбли в западноукраинских городах и основные особенности их архитектурно-планировочной организации". Выделены два основных подхода к их созданию. Первый основан на расширении и преобразовании ранее сложившихся замковых комплексов с различной мерой трансформации. Вторым, хронологически более поздним, характеризуется созданием новых дворцово-парковых ансамблей по единому исходному замыслу, учитывавшему и внешнее окружение, и внутренние композиционные взаимосвязи. Отмечается активное участие в строительстве известных польских архитекторов (Д.Мерлини, Е.Претер, Ш.-Б.Луг и др.), а также паркоустроителей, среди которых наибольшей плодотворностью отличалась деятельность Д.Макклера (Д.Миклера). Наибольший подъем дворцово-паркового строительства приходится на 2-ю по-

ловину XVIII века, причем он был значительно и богаче по результатам на Волыни и Подолии, гораздо скромнее в Галичине.

Среди дворцово-парковых ансамблей, создававшихся на месте старых замков подробно проанализированы барочные магнатские резиденции Вишневецких в Вишневце, Любомирских - в Ровно^{*.} Рассмотрены основные этапы их создания, архитектурно-планировочные особенности композиционного построения, пространственная организация и элементы парковых зон, личный вклад в их создание архитектора Бургиньона. Рассмотрены также дворцы Заславских в Изяславе, Чарторийских в Корце, Чацких в Боремле, Потоцких в Кристинополе и др. Последний пример с градостроительной точки зрения имел уникальную особенность, заключающуюся в непосредственном композиционном сопряжении дворцового ансамбля с рыночной площадью местечка путем соосного примыкания к одной из ее сторон.

Среди новых дворцово-парковых ансамблей, не имевших генетической связи с прежними замковыми строениями, выделяется дворец Потоцких в подольском городе Тульчин с большим ландшафтным парком, создававшийся после того, как Кристинополь отошел к Австрии. Характеризуются его планировочные особенности и пространственные связи с самим местечком. Анализируются также наиболее интересные дворцово-парковые ансамбли: Ходкевичей в Млинове, Стецких в Великих Межиричах и Кустье, Дуни-Карвицких в Мизоче, Эстергази в Городке, Радзивиллов в Шпанове и др. Среди дворцовых построек, в стилистике которых были отмечены романтические искания с использо-

* Полностью утраченный дворцово-парковый ансамбль Любомирских стал составной частью макетной реконструкции "Город Ровно в конце XVIII в.," выполненной для музейной экспозиции Ровенского краеведческого музея под руководством диссертанта в 1989 году.

ваннем стилистических средств неоготики, в диссертации рассмотрены две интересные реализации: усадебный комплекс Чосновских в Белокринице вблизи Кременца и замок-дворец Сосновских в Новомалине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторический город как пространственно упорядоченная целостность и как результат творческих усилий многих поколений — это своеобразная "летопись" прошлых эпох. И как во всякой летописи, в исторических структурах города зафиксированы события порой смелые и новаторские, порой размеренные и монотонные, порой отмеченные печатью стагнации и упадка. Однако в отличие от вербальных летописей "летопись" архитектурная и градостроительная обладает особым языком и открывает нам особый смысл бытия. Для их прочтения требуются порой немалые исследовательские усилия, чтобы из пестрой мозаики фактов, часто фрагментарных и отрывочных, можно было составить цельное представление об исследуемых явлениях.

Подводя итог настоящей работе в различных ее проблемных аспектах, следует сделать несколько синтетических выводов, обобщающих аналитический материал и промежуточные результаты, изложенные в диссертации.

Состояние современного научного знания в области историографии западноукраинского градостроения (как и градостроения Украины в целом) может быть с полным основанием отнесено к феноменологической, точнее даже к фактографической стадии развития. На этой стадии господствуют разрозненные подходы к явлениям, описательность доминирует над аналитической, частные случаи — над общими закономерностями, а предмет анализа редко выходит за пределы объектов, упреждающих под натиском времени. Особенно это сильно заметно по тому

факту, что до сих пор огромный массив первоисточников в собраниях архивов, музеев, библиотек остается невостребованным. И в этом смысле отечественная архитектурная историография все еще остается преимущественно не столько исторической, сколько памятниковедческой наукой со всеми свойственными ей ограничениями. Об этом свидетельствует неразвитость самостоятельных вспомогательных направлений, в первую очередь источниковедческих. Работа диссертанта с первоисточниками позволила сделать вывод о большой актуальности такого рода специальных исследований, которые должны не только стать обязательной частью всякого диссертационного исследования исторического профиля, но вполне могут сформироваться как самостоятельное научное направление в современной историографии архитектуры и градостроения.

Проведенное исследование истории градостроительного искусства в таком своеобразном регионе, каковым является Западная Украина, наглядно демонстрирует длительный и объективный процесс взаимопроникновения культурных традиций различных народов, которые издавна совместными усилиями создавали эти города. Это взаимопроникновение не было бесконфликтным. Однако именно благодаря ему в городах формировался уникальный сплав зодчества православного и католического, христианского и иудейского, древнерусского и ренессансного, барочного и классицистического, vernacularного и высокопрофессионального.

Из вышесказанного, как следствие, логически вытекает равное право на это градостроительное наследие представителей всех наций, населявших и населяющих эти города. Поэтому диссертанту не хотелось бы, чтобы вынесенное в заглавие работы определение географического ареала было воспринято как некий моноэтнический признак, связанный исключительно с коренным этносом. Будет вполне объектив-

ным утверждение, что анализировавшиеся в диссертации явления западноукраинской градостроительной истории — суть достояние украинской, русской, польской, австрийской и др. культур, а поэтому и суть в равной мере принадлежащие истории всех этих народов.

Как показал анализ, особенности развития западноукраинского градостроения всегда были теснейшим образом связаны с внешними факторами, в том числе с социальными, политическими, экономическими, правовыми. Весь длительный период времени с XV по XIX столетия в истории градостроения был как бы демаркирован тремя важнейшими явлениями. Это расцвет магдебургии в городах XV—XVI веков, когда отмечается самая активная фаза урбанизационных процессов в крае. Это фаза постепенной ликвидации городов как цельных социально-экономических общин на фоне контрреформации и "захвата" городов крупной и мелкой шляхтой в XVII—XVIII веках, когда отмечается общий упадок бывлой градостроительной культуры при одновременном усилении центробежных тенденций. Наконец, в XIX веке это фаза зарождения нового буржуазного города и вхождения его в систему административного регулирования в российских губерниях.

С точки зрения исторической преемственности западноукраинского градостроения решающее значение имеет вывод о том, что почти всегда сохранялась некая "двойственность" местного градостроительного опыта, шедшая от древнерусского наследия через литовскую эпоху к новому времени. Многие западноукраинские города сохранили в своей основе структурное ядро допольской, дслитовской эпохи.

Урбанизационные процессы на землях Волыни, Галичины, Подолли не были равномерными, охватив с начала XV века вначале галицкий регион, затем распространившись севернее и восточнее. Не были эти процессы и синхронны со средневековой урбанизацией Западной и Центральной Европы, отставая на полтора—два столетия. Однако в

восточнославянском регионе, в частности по отношению к Левобережной Украине, Волынь, Подолия и особенно Галичина безусловно являлись главным "полигоном" достаточно успешного внедрения европейского градостроительного опыта. Как яркое свидетельство этого отставания в процессах урбанизации - большая доля регулярных рыночных площадей в западноукраинских городах (в западноевропейском градостроении эта доля была значительно меньше), а также длительное сохранение архаизированных конструктивных приемов в строительстве замков, городских фортификаций, культовых и светских зданий.

В области художественно-стилистических средств западноукраинская архитектура и градостроение оказались достаточно чувствительными к европейским новациям, что объяснялось, с одной стороны, достаточно высокой образованностью украинского и польского магнатства, а с другой, - активной миссионерской деятельностью католической церкви. Даже православному зодчеству этого региона не были чужды эти средства, хотя православие и католицизм почти всегда находились здесь в состоянии непримиримого противостояния. Так, если первые ренессансные влияния появились в западноукраинских городах примерно в 1590-е годы, то уже через пару десятилетий началось строительство крупных барочных храмов иезуитского ордена.

Иезуитам принадлежит особая заслуга не только в распространении барочного стиля, в активном участии в градостроении. Как закономерную реакцию на архитектурную экспансию иезуитов и др. католических орденов можно расценить появление своеобразного стиля "украинского барокко" в XVII - начале XVIII столетия, которое было художественно-идеологической антитезой латинству в Украине. Но антитезой таковой, которая сама во многом пользовалась средствами того явления, которому она противопоставлялась.

Специальный анализ всего комплекса детерминирующих факторов, действовавших на протяжении многих столетий, позволяет сделать однозначно вывод о том, что города создавались и развивались как единый сплав материализованных утилитарных потребностей и идеализированных представлений о некоем городском микрокосмосе человеческой жизнедеятельности, архитектурно-пространственная организация которой обладала достаточно стабильным компонентным составом и структурной целостностью.

Вместе с тем, как явствует из результатов исследования, каждый город был уникален с точки зрения своей конкретной пространственной формы. Уникален настолько, насколько уникальны были местные условия, насколько уникальны были его исторические судьбы. Отсюда становится очевидной некая ущербность предшествующей архитектурно-градостроительной историографии, которая часто ограничивалась отдельными, пусть наиболее яркими примерами. Поэтому, как нам представляется, в дальнейших исследованиях первостепенное внимание следовало бы обратить на малоизученные, а порой и вовсе неизвестные эпизоды в градостроительной истории Украины, без которых не может быть полноценное воссоздание прошлого.

Историко-архитектурное знание кроме определенной самоценности и самодостаточности всегда имеет практические приложения, что в особой мере значимо в сфере градостроительной деятельности. Только отсутствием у проектировщиков полноценной информации об исторической эволюции реконструируемых городов можно объяснить грубые ошибки в застройке старых городов. Только отсутствием такой информации можно объяснить то, что в официальных списках исторических городов значатся далеко не все города того заслуживающие. Только отсутствием исследовательской базы можно объяснить, наконец, и то печальное положение с самим понятием "памятник гра-

достроительства", которое, с одной стороны, обычно суживается до ареала улицы или площади, а с другой, - вообще редко фиксируется соответствующими государственными органами охраны памятников истории и культуры. Признание за историческими планировочными структурами городов статуса охраняемых памятников по-прежнему остается актуальной проблемой.

По теме диссертации опубликованы и подготовлены к печати следующие научные работы:

Монографии и брошюры

1. Дорогами впадной Ровенщины. - М.: "Искусство", 1989. - 175с. (серия: "Дороги к прекрасному");
2. Кременец. Почаев и окрестности. - М., "Искусство", (8,0 печ. листов, рукопись в редакции);
3. Україніка в збірках Австрії (бібліотеки, архіви, музеї). Попередні видання. - К., Ін-т археографії АН України, (2,0 друк. арк., рукопис в редколегії);

Статті

4. Західноукраїнські міста-фортеці XVI-XVII століть. - "Пам'ятники України", 1990, № 2, с.20-22;
5. Католицькі храми та монастирї Острога. - В кн.: Матеріали I-III науково-краєзнавчих конференцій "Острів на порозі 900-річчя" (1990-1992 р.р.). Ч.2. - Острів, 1992, с.16-21;
6. Джерела Російського державного військово-історичного архіву до історії містобудування у Правобережній Україні. - "Архіви України", 1992, № 5-6, с.52-61;
7. Вступна стаття та статті про історію планування та забудови міст Рівного, Острога, Дубно, Млинова, Клевани, Корця, Вел. Межиріччя, Гош, Степаня, Дубровиці. - Заїд пам'яток історії та культури України. Рівнянська обл. - К., Українська енциклопедія (біля 6,0 друк. арк., рукопис в редколегії);

8. Ринкова площа в Історичному контексті. - "Пам"ятники України", 1993, (0,4 друк. арк., рукопис в редакції);

9. Рыночные площади западноукраинских городов: особенности локации и архитектурно-планировочной организации. - "Архитектурное наследие", № 40. - М., (2,0 друк. арк., рукопис в редколлежії);

10. Градостроительная эволюция Станислава в XVII-XIX веках. - "Архитектурное наследие", № 40. - М., (1,0 друк. арк., рукопис в редколлежії);

11. Дворцово-парковые ансамбли Волыни XVIII - начала XIX вв. - "Архитектурное наследие", № 40. - М., (2,0 друк. арк., рукопис в редколлежії);

12. Єзуїтські монастирі в українських містах. - "Архітектура України", (0,5 друк. арк., рукопис в редакції);

13. Українські міста в картографічній збірці Віденського Воєнного архіву. - "Архіви України", 1993, (0,5 друк. арк., рукопис в редакції);

14. Картографічні джерела до історії планувального розвитку та забудови Острога. - Матеріали IV Острівської науково-краєзнавчої конференції "Острів на порозі 900-річчя". - Острів, 1994, (0,1 друк. арк.);

15. Початковий етап проектування та будівництва єзуїтського монастиря в Острозі. - Матеріали IV Острівської науково-краєзнавчої конференції "Острів на порозі 900-річчя". - Острів, 1994, (0,1 друк. арк.);

16. Містобудівельне мистецтво України в контексті магдебурзького права. - В кн.: Міське самоврядування: Історія та сучасність. - Рівне, 1994, (0,4 друк. арк., рукопис в редколлежії);

17. Замок-палад Сантушків в Ізяславі: Історико-архітектурний нарис. - В альманасі "Вісник Подільської Волині", № 1. - Хмельницький, 1994, (1,0 друк. арк., рукопис в редколлежії);

Тезиси докладів и повідомлень
на научних конференціях

18. Матеріали по історії градостроительства Волыни XVII-XIX

веков в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР. - В кн.: Минуле і сучасне Волині (тези доповідей та повідомлень 2-ї Волинської Історико-краєзнавчої конференції. Ч.І. - Луцьк, 1988, с.183-185;

19. Градостроительное наследие Ровенщины и проблемы его сохранения. - Научно-практическая конференция "Пути совершенствования технологии и организации строительного производства (тезисы докладов и сообщений). - Ровно, 1988, с.27-28;

20. Архитектурный ансамбль "Козацькі могили". - Берестецька битва в Історії України. Тези республіканської конференції. - Рівне, 1990, с.22-25;

21. Ринкові площі міст Волині XVI-XIX століть. Архитектурно-планувальні вирішення. - Тези конференції "Атлас Історії культури Волинської області". - Луцьк, 1991, с.32-35;

22. Стара Волинь в малюнках та описах Яна Генріка Мюнха. - Тези конференції "Атлас Історії культури Волинської області". - Луцьк, 1991, с.31-32;

23. Відтворення Берестецької битви на макеті. - Берестецькій битві 340 років. Тези 2-ї республіканської конференції. - Рівне, 1991, с.63-65, (у співавторстві з Т.О.Пономарьовою);

24. Місто-фортеця Броди - пам'яття містобудівельного мистецтва. - УІІВГ. 1922-1992. Тези доповідей науково-технічної конференції. Секція: Промислове та цивільне будівництво. - Рівне, 1992, с.58-59;

25. Архитектурный ансамбль Почаївського монастиря на поч. ХУІІ ст. - УІІВГ. 1922-1992. Тези доповідей науково-технічної конференції. Секція: Промислове та цивільне будівництво. - Рівне, 1992, с.56-57;

26. Архитектори єзуїтського ордену на Волині. - Велика Волинь: минуле і сучасне. Тези 2-ї регіональної науково-теоретичної конференції. - Рівне, 1992, с.20-22;

27. Планувальний розвій Берестечка до середини ХУІІ століття. - Берестецька битва в Історії України. Тези 3-ї республіканської конференції. - Рівне, 1992, с.66-69;

28. Магдебурзьке право та середньовічне містобудування. -

Актуальні проблеми розвитку міст та міського самоврядування (Історія та сучасність). Тези міжнародної науково-практичної конференції. - Рівне, 1993, с.178-179;

29. Волинь в літографіях Генріха Пейера. - Тези міжнародної наукової краєзнавчої конференції "Велика Волинь: минуле і сучасне". - Житомир, 1993, с.132-134;

30. Палацове будівництво на Волині XVIII - поч. XIX ст. - Тези міжнародної наукової краєзнавчої конференції "Велика Волинь: минуле і сучасне". - Житомир, 1993, с.144-146;

31. Тринітарський монастир у Берестечко: до Історії архітектурного ансамблю. - Берестецька битва в Історії України. Тези 4-ї республіканської науково-теоретичної конференції. - Острів, 1993, с.32-34;

32. Планування та забудова Полонного за картографічними періодмералами Російського державного військово-історичного архіву. - Тези доповіді на конференції (0,15 друк. арк., рукопис в редколегії);

33. Планувальна структура Ізяслава в кінці XVIII століття. - Тези доповіді на 4-й регіональній конференції "Велика Волинь". - Ізяслав, 1994, (Зс., рукопис в редколегії);

34. Давня картографія міста-фортеці Станіслава: знахідки та висновки. - Тези доповіді на конференції (рукопис в редколегії);

Научні отчети и рукописи

35. Архітектурна спадщина Рівненщини: еволюція стилів (за допомогою лектору). - Рівне, УТОПІК, 1967, 24с.;

36. Місто Рівне в кінці XVII століття. Пояснювальна записка до макетної реконструкції для експозиції Рівненського краєзнавчого музею. - Рівне, 1989, 86с., (рукопис в фондах музею);

37. История планировки и застройки городов Ровенской области (научный отчет). - Ровно, УИВХ, 1990, 86с., з гос.рег. 01.9. 0002138;

38. Місто Станіслав в середині XVII століття. Пояснювальна записка до макетної реконструкції для експозиції Івано-Франківського краєзнавчого музею. - Рівне, 1990, 34с., (рукопис в фондах

музей);

Газетні публікації

39. Один з найстаріших (про оранжерею палацового ансамблю Любомирських в Рівному). - "Червоний прапор", 12 жовтня 1988 р., с.3;
40. Село-музей (з Історії планування та забудови с.Дермань). - "Червоний прапор", 15 березня 1988 р., с.3;
41. Як Дубно до казни купували. - "Червона зірка", 4 січня 1989 р., с.4;
42. Замок над Іквою (до Історії дубнівського замку). - "Червона зірка", 26 липня 1989 р., с.4;
43. Крімь два століття (про макетну реконструкцію міста Рівного). - "Червоний прапор", 4 лютого 1990 р., с.3;
44. "Быть по сему. Николай". Пригоди першого генералу міста Рівного. - "Рівне", 15 вересня 1990 р., с.8.

Всього автором опубліковано і підготовлено к публікації более 80 работ в области архитектурной теории, истории, критики с общим объемом около 46 п.л.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Надписано до друку 29. XII. 93.
Формат 60x84 I/16 Обсяг 2,7 др. арк
замовлення 1753 Тираж 100 примір.
Рівне, УІІБГ, Соборна, II

355649

AB 29.102